

© 1990 г.

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

11—12 января 1988 г. в Москве состоялась научная конференция «Традиции народной художественной культуры в современном искусстве», организованная Комиссией комплексного изучения художественного творчества Научного совета АН СССР по истории мировой культуры. Ее проведение совпало с 25-летием деятельности комиссии¹.

Заседание открыл заместитель председателя комиссии В. Е. Гусев (Ленинград), отметивший, что «в последнее десятилетие в советской науке появились новые глубокие исследования отдельных видов народной культуры, а также монографии и коллективные труды, посвященные связям отдельных видов профессионального искусства с народной поэзией, народными обрядами, народными играми, народной музыкой, народным декоративно-прикладным искусством. Но недостаточно исследованы общие закономерности взаимодействия народной художественной культуры и профессионального искусства, динамика и противоречия этого процесса». В. Е. Гусев подчеркнул актуальность проблематики, вынесенной на обсуждение конференции, акцентировав внимание на том, что особое значение для современного искусства приобретает дифференцированный подход к разным традициям, умение художника различать отжившие и подлинно прогрессивные традиции.

В. Д. Дранков (Ленинград) выступил с докладом «Культура и нравственность». Н. В. Шилин (Ленинград) рассказал о философских основах традиции в художественном творчестве.

В докладе И. П. Панкратьева (Москва) ставится вопрос о конкретных реалиях художественной деятельности, обозначаемых термином «народное художественное творчество». На основании наблюдений современных художественных явлений постепенно складывается новое представление о народном художественном творчестве, уже не только уточняющее или как-то перекрывающее привычные границы этой области в системе художественной культуры, но и вносящее новый смысл в объем и содержание самого понятия.

После доклада общетеоретического характера основная тема конференции обсуждалась в докладах на материале художественной культуры разных народов и различных видов народного искусства.

В докладе С. Н. Соколова (Москва) «К проблеме взаимодействия фольклора и профессионального искусства на материале современной китайской каллиграфии» процесс широкого распространения профессионального искусства каллиграфии не только в самостоятельном художественном творчестве, но и в сфере повседневного быта рассматривался как эстетическое, самовыражение самых разных слоев населения при сохранении всех основных качеств, присущих этому высочайшему по емкости этико-эстетической содержательности искусству.

В докладе Л. П. Солнцевой (Москва) «Фольклор и формирование национального профессионального театра», основанном на словацком материале, обращалось внимание на то, что в периоды жесточайших национальных притеснений у словаков сохраняли жизнеспособность те элементы национальной культуры, которые были наиболее тесно связаны с народными основами. Отмечалось также, что рост национального самосознания словацкого народа проявлялся и в интересе всех слоев населения к народному художественному творчеству. Поэтому актеры любительского театра рассматривали свою деятельность как национальный патриотический долг. Именно отсю-

да — стремление к точной передаче быта, поведения персонажей. Связь с народными корнями профессионального словацкого актера — в основе сложившейся и получившей мировое признание словацкой актерской школы.

В. Е. Гусев (Ленинград) в докладе «Фольклор в современной культуре социалистических стран Европы», обобщив большой конкретный материал, проанализировал сложные, неоднозначные тенденции, характерные как для самого фольклора, так и для фольклоризма — процесса адаптации и трансформации фольклора в разных сферах социалистической культуры: в профессиональном искусстве, в деятельности вокально-инструментальных и хореографических ансамблей, в массовой художественной самодеятельности, в средствах массовой коммуникации, в опытах создания новых обрядов и праздников и т. д. Докладчик предложил для обсуждения культурологическую классификацию фольклоризма и типологическую характеристику основных его структурных видов.

А. Ю. Чирва (Ленинград) в докладе «Мифологические сюжеты в зарубежной литературе конца XIX — начала XX века» рассмотрела толкование новозаветного сюжета — легенды о гибели Иоанна Крестителя — у Г. Флобера, Ст. Малларме и О. Уайльда, отражающего эволюцию отношения к мифу, эволюцию мифологизма в литературе конца XIX в. Флобер сблизил миф с историческим преданием. Использование мифа у Малларме близко к самостоятельному поэтическому мифотворчеству. Тратовка мифа у О. Уайльда в определенном смысле предвосхищает мифологизм XX в. Мифологические схема и мотивы позволили писателю толковать описываемые действия как некие вечные прототипы.

Д. Н. Медриш (Волгоград), рассматривая традиции народного плача и городского романа в литературной песне о Великой Отечественной войне, полемизировал с мнением о нелитературности поэтики М. Исаковского. Он убедительно показал, что автор стихотворения «Враги сожгли родную хату...», опираясь на богатую фольклорную традицию, учитывает как возрастающее воздействие литературы на народно-песенный репертуар, так и многолетний опыт осмысления народно-песенной традиции русскими поэтами (в том числе и очень непохожими на Исаковского) и на этой основе создает произведение, уже самими обстоятельствами своего возникновения как бы предназначенное стать народной песней.

Э. Е. Алексеев (Москва) в докладе «Претворение моделей устного музыкального мышления в композиторском творчестве» утверждал, что современная музыкальная ситуация осложняется активным использованием технических средств звукозаписи, которые усиленно размывают границу между фиксированной и свободно обращающейся музыкой. В связи с этим все музыкальные явления претерпевают заметную трансформацию. В общественном музыкальном сознании, по мнению докладчика, начинают решительно преобладать модели устного музыкального быта. Есть основания считать, что устная культура оказывается более универсальной, чем письменная. Она способна выполнять больший комплекс жизненно важных функций, перерабатывать и даже подчинять и присваивать себе результат и продукт композиторской деятельности.

В. Н. Юнусова (Душанбе), рассмотрев проблемы исследования творческого процесса на материале музыки народов Востока отметила, что сущностью его является воссоздание традиционной модели (в отличие от эвристической модели композиторского творчества). В классической музыке Востока выявлено два типа творческого процесса, различающихся по степени значимости трех основных принципов: гласовости, комбинации мелодико-интонационных блоков, масштабной мобильности. Их различия во многом определяются фольклорным контекстом национальной культуры, который оказывает существенное влияние на профессиональную музыку устной традиции.

И. И. Жуланова (Пермь) остановилась на проблемах взаимоотношения традиций народной музыки и профессионального творчества в современной коми-пермяцкой культуре. Молодое профессиональное творчество, отмечалось в докладе, формируется, подвергаясь воздействию зрелых, достаточно стойких традиций коллективного фольклорного мышления. Некоторые явления возникают на стыке двух культурных потоков.

Т. М. Алибакиева (Алма-Ата) в докладе «Уйгурские мукамы в прошлом и настоящем» отметила, что, синтезируя в себе традиционную песенно-инструментальную музыку и танцы, изустно-профессиональную музыку и поэзию, уйгурские мукамы являются неотъемлемой частью международного искусства *макамат*. Творческое использование мукамов композиторами открывает широкие возможности для создания современных профессиональных музыкальных полотен. Оценивая значение уйгурских мукамов, Т. М. Алибакиева подчеркнула их жизнестойкость и непреходящую ценность.

В докладе Г. Ф. Сулеймановой-Валеевой (Казань) «Национальное своеобразие взаимодействия народного и профессионального творчества в декоративном искусстве Татарии» характеризовались процессы, связанные с рождением новых и развитием традиционных видов декоративно-прикладного искусства на разных уровнях его системы, обусловленных различными формами художественного творчества. Взаимодействие народного и профессионального искусства рассматривалось ею как исторический процесс: художественная культура с середины XVI в. развивалась в формах народного искусства, с XVIII в. началось взаимопроникновение городского ремесленничества и народного творчества села; на современном этапе заметно доминирование профессионального творчества на фоне угасания традиционного искусства. Взаимодействие этих двух типов творчества проявляется на различных уровнях структуры (художественно-техническом, композиционном, образном) произведения.

Е. М. Сахута (Минск) рассказал о судьбе традиционного народного искусства Белоруссии, явившегося основой для создания предприятий промышленного типа, которые должны были поддерживать на государственном уровне угасающие виды народного творчества, продолжить традиции народной художественной культуры. Однако, оказавшись на предприятии, народные мастера из творцов превращаются в простых исполнителей, создающих сувенирную продукцию. Анализ причин сложного положения, в котором оказались современные художественные промыслы не только республики, но и страны в целом, считает докладчик, поможет указать возможные пути решения этой проблемы.

В докладе В. М. Галеева (Казань) «Фольклор, самодеятельность и новые искусства эпохи НТР» выявлялась диалектика тенденций, действующих в этой системе и характеризующих ее целостность. Для новых видов художественной деятельности, основанных на использовании современных средств аудиовизуальной коммуникации, характерно усиление синтетических и бифункциональных тенденций, сближающих эти виды искусства с народным творчеством. Была выдвинута гипотеза о генетической близости национального мелоса и национального орнамента и предложено использовать орнаментальные мотивы в визуальном ряду светомузыкальных произведений.

А. С. Архангельская (Симферополь) в докладе «Будущее: некоторые перспективы становления единой культуры и формирования так называемого нового синкретизма» заметила, что раскрепощение творческих потенций личности невозможно без такой организации окружающей человека среды, когда не только общение с природой будет подлинно гармоничным, но и общение с культурой в целом, а не в отдельных ее составляющих, станет естественным и необходимым.

В докладе В. Н. Максимова (Москва) «Почему Кармен? (Бродячий сюжет Нового времени, или жизнь искусства по моделям коллективного сознания)» отмечалось, что многократная повторяемость на протяжении полутора веков одного и того же сюжета в творчестве многих художников и вместе с тем его воссоздание в новых и новых вариантах напоминают ситуацию бытования сюжетов в рамках традиционных культур, где действуют закономерности коллективного сознания. Не буквальное повторение, но существование в принципиально новой культурной ситуации сюжета и целого пучка сюжетов типа «Кармен», по мнению докладчика, дает основание утверждать, что механизм коллективного сознания заново складывается в эпоху Нового времени. Искусство деятельно участвует в этом процессе, исподволь подготавливая человеческое общество к переходу от эпохи приоритета индивидуализированного типа сознания к приоритету коллективного типа сознания, создаваемого на основе глобального (всечеловеческого) гуманизма.

В докладе О. А. Жук (Ленинград) «Традиции русского фольклора в советском киноискусстве 80-х годов» рассматривалась проблема сосуществования в русском киноискусстве двух противоположных тенденций в освоении фольклорного наследия. С. Овчаров в кинокартинах «Нескладаха», «Небывальщина» и «Левша» реставрирует уникальную художественную реальность фольклора; А. Митта («Экипаж»), В. Меньшов («Москва слезам не верит») используют мотивы, модели и образы фольклора как некий гарант зрительского успеха. У С. Овчарова наличествует целостное фольклорное видение, в творчестве же В. Меньшова и А. Митты — использование методов воздействия и декоративности фольклора.

З. Р. Зарецкая (Москва) рассмотрела вопрос об освоении традиций народной художественной культуры в профессиональном театре Латвии на примере спектакля театра им. А. Упита «Дни портных в Силмачах» по пьесе Р. Блауманис, где широко использованы ритуальность, близость к обрядовой символике, импровизационные и другие элементы народной культуры.

В обсуждении докладов и дискуссии приняли участие В. Е. Гусев, Т. М. Разина, А. Б. Афанасьева, В. И. Шилин, И. Я. Богуславская, В. Л. Гершкович, Л. С. Саламон.

В заключительном слове В. Е. Гусев, подчеркнув, что сама проблематика конференции предопределила разнообразие тематики докладов и подходов к решению задачи, наметил план дальнейшей деятельности комиссии.

А. Ю. Чирва

Примечание

¹ Об итогах деятельности комиссии за 20 лет см.: Мейлах Б. С. К двадцатилетию комплексного изучения художественного творчества как научного направления // Художественное творчество: вопросы комплексного изучения. 1984. Л., 1986. С. 3—15 (там же обширная библиография).

© 1990 г.

ХІ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ. АРХАНГЕЛЬСК, 1989.

Конференция проходила с 11 по 16 сентября 1989 года в Архангельске. Ее организаторами были Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР и Архангельский государственный педагогический институт им. М. В. Ломоносова. В конференции приняли участие специалисты из многих академических и вузовских центров нашей страны, а также гости — ведущие исследователи из Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, ГДР и ФРГ.

В докладах (а их было около 200), зачитанных на конференции, рассматривались различные аспекты истории и культурного развития скандинавских народов с древнейших времен до наших дней. Двухтомник тезисов докладов, выпущенный к открытию, явился своего рода маленькой энциклопедией по Скандинавии.

На пленарном заседании были заслушаны доклады Е. А. Мельниковой (Москва) — «Русско-скандинавские отношения до середины XI в. Итоги и задачи исследования», В. В. Рогинского (Москва) — «Великая Французская революция и страны Северной Европы (1789—1815 гг.)», О. М. Чернышевой и Ю. Д. Комарова (Москва) — «Церковь в скандинавских странах во 2-й половине XX в.», М. И. Безруковой (Москва) — «Скандинавский художественный феномен и его отзвуки в современной международной культурной политике», а также сообщение Х. А. Пийримаа (Тарту) о работе редколлегии «Скандинавского сборника». С интересным докладом «Социальная история и ее место в системе общественных и естественных наук» выступил один из крупнейших шведских историков Р. Тоштендаль (Упсала), рассказавший о новых тенденциях в исследованиях шведских историков в последние десятилетия, основанных на теоретических разработках социологов США.

На конференции работало 9 секций. По первоначальному замыслу организаторов в соответствии с существовавшей практикой этнографы должны были объединиться с археологами. Но на настоящей конференции, идя навстречу этнографам, оргкомитет принял решение о создании самостоятельной секции (руководитель секции — Г. И. Анохин). Было заслушано и подробно обсуждено девять докладов. К сожалению, часть докладов по этнографической тематике обсуждалась в других секциях.

На работе этнографической секции мы остановимся несколько подробнее. Этнографическая секция открылась докладом Т. А. Березиной (Москва) — «Свадебные обычаи и обряды шведов в конце XIX — начале XX в.». Докладчица проанализировала свадебный обряд шведов и связанные с ним обычаи, выявила основные элементы и тенденции его развития. Многие свадебные обычаи со временем трансформировались или исчезли совсем. Некоторые тенденции в брачных отношениях шведов, возникшие еще в прошлом веке (высокий возраст при вступлении в брак, длительный период обручения и т. д.), сохранились до настоящего времени.

Доклад Г. И. Анохина — «Этносоциальный облик фарерцев», в основу которого положены собственные полевые наблюдения автора в 1988 г., содержал сведения об истории заселения Фа-